

полезные карты — древние и современные, указатели личных имен, географических названий, этнонимов, политонимов и технических терминов для русского, латинского и греческого текстов. Нет сомнений, что достойной наградой многолетнему труду исследователей и их стойкости в преодолении сложного пути от рукописи к настоящему изданию станет долгая жизнь Свода в науке.

Д. И. Польшанский

В. А. Арутюнова-Фиданян.
Армяно-византийская
контактная зона (X–XI вв.):
Результаты
взаимодействия культур.
М., «Наука», 1994, 235 с.
(с английским резюме)

Из всего комплекса внешнеполитических проблем, которые приходилось решать Византии в ходе своего исторического развития, наиболее сложными и своеобразными были ее взаимоотношения с Востоком. Именно здесь формировались сначала подспудные, а затем все более выходявшие на поверхность силы, определявшие внутренние проблемы империи и в конце концов предопределившие ее судьбу в целом. Именно здесь Византией был накоплен богатейший опыт взаимодействия с окружающим ее гетерогенным в конфессиональном и общественно-политическом отношении миром, выработаны весьма совершенные и эффективно действовавшие принципы этого взаимодействия. Отсюда — важность и научная актуальность тех исследований, в которых ставится задача изучения принципов восточной политики Византийской империи на разных ее этапах. В ряду таких исследований, занимая свое, весьма достойное место, стоит обширный цикл работ В. А. Арутюновой-Фиданян, принеший ей известность как серьезному, оригинально мыслящему, взыскательному и добросовестному исследователю.

Настоящая книга, возникшая как докторская диссертация (защищена в 1991 г.), — закономерный итог многолетних занятий автора по

избранной проблематике. Будучи выполненной как бы на стыке двух научных дисциплин — византиноведения и арменистики, она удивительно современна по проблематике и методам рассмотрения этой проблематики, изобилует свежими, нетрадиционными подходами, идеями, выводами. Нельзя, конечно, утверждать, что сама по себе тема «контактной зоны» — изобретение В. А. Арутюновой-Фиданян. О необходимости структурно-функционального подхода к изучению лимитрофной зоны на Востоке Византии говорили многие (впервые об этом было заявлено, как правильно отмечено на с. 155 монографии, еще на XIV Международном конгрессе византинистов в Бухаресте в 1971 г.). Но в том-то и дело, что Вианда Арутюровна, не довольствуясь разговорами, перешла к делу и весьма успешно, как я полагаю, превтвила это desideratum в жизнь.

В этом отношении исследование оказалось, как мне кажется, чрезвычайно результативным. В нем на основе изучения широкого круга многоязычных и разнохарактерных источников ярко воссоздан особый, отмеченный исключительной сложностью и своеобразием мир «контактной», или лимитрофной, зоны как особой «структуры» со специфическими социально-административными, этноконфессиональными и идеологическими характеристиками. В поле зрения автора — кризис имперского фемного строя и становление контактной зоны в виде военно-административных округов-хор; переселенческая политика Византии и практика обменов армянскими владетелями своих земель на земли в глубине империи; историко-культурный облик и этническое самосознание армян-халкидонитов как наиболее характерной для контактной зоны человеческой общности; «образ Византии» в глазах армянских идеологов как великой державы, покровительницы всех христиан и единственной опоры армян в борьбе с мусульманским миром. Приятно констатировать отсутствие в книге, казалось бы, неизбежных для такой темы (и особенно в современной обстановке!) всякой предвзятости и «лжепатриотизма» при рассмотрении сложнейших этнических процессов в этом регионе. Автор не боится выступить против своих кол-

лег-армяноведов, склонных ставить в иронические кавычки определения «бескровные» и «добровольные» в применении к акциям присоединения к Византии ряда армянских политических образований, к акциям передачи армянскими правителями родовых земель в обмен на земли в глубине империи (с. 6, 9 и др.). Она убедительно доказывает, что исследователи в своих негативных оценках экспансии Византии на Востоке опираются не на свидетельства современников и очевидцев, терпимо и с пониманием относившихся к этим процессам, а более поздних авторов (например, Маттеоса Урхаеци), оценивавших эти события уже с иной точки зрения, с учетом позднее сложившихся обстоятельств (с. 6).

Безусловно, обращает на себя внимание вывод автора монографии об «определенной конвергенции византийских и армянских феодальных институтов на армянских землях» (с. 19), хотя меня и смущает в какой-то степени столь категорично выраженное мнение автора о «чертах высокоразвитого и традиционно устоявшегося феодального общества», привнесенного якобы армянскими владельцами «в социально-административную жизнь восточных провинций империи» (с. 25), о «вековых традициях» организации на Востоке войска «по феодальному (рыцарскому) типу» (с. 41), о безусловном отождествлении так называемых «этерий» (т. е. свит) с вассалитетом и т. д. (я все же сторонник более осмотрительного использования феодальных категорий в применении к византийским и восточным реалиям, да еще в столь раннюю эпоху). Весьма обстоятельно разработан в книге вопрос о формировании в контактной зоне «качественно новой, более гибкой и сложной социально-административной структуры», нежели фемный строй, на смену которому эта структура пришла (с. 45 и др.), хотя мне и не кажется столь уж решающим «терминологический аргумент» автора — о том, что новые военно-административные округа никогда не назывались фемами, но только хорамми (с. 51–53). Мы же знаем, что и в других контактных зонах (например, на Балканах) термин «хора» использовался для обозначения

фем, был своего рода синонимом термина «фема»¹.

С большим интересом читается глава об этноконфессиональной ситуации в контактной зоне, об армянах-халкидонитах как историко-культурном феномене контактной зоны, о культурных и политических аспектах перехода армян в халкидонитство, о добровольном избрании ими халкидонского символа веры. В. А. Арутюновой-Фиданян удалось показать своеобразие этой части армянского народа, сохранившего свои этнокультурные признаки (язык, письменность, бытовые особенности), но утратившего со своим этносом общность религиозных представлений, приняв конфессию, отличную от верований большинства. Связав свою судьбу с имперской идеей и христианской ортодоксальной доктриной, православные армяне, по-видимому, разделили участь всех тех входивших в великое космополитическое тело империи народов, «вся смесь которых (я позволю здесь процитировать Григоровиуса) словно из огромного плавильного тигля выходила подобно сплаву объединенной в византийцев». Фактически все сказанное в книге об армянах-халкидонитах прекрасно, мне кажется, укладывается в эту формулу.

Совершенно новой, как по постановке проблемы, так и по материалу, является глава III — об эволюции «образа Византии» по данным армянской историографии X–XI вв. Правда, и здесь модная ныне тема не есть находка Виалды Артуровны. Впервые, пожалуй, во весь голос об «образе другого» было заявлено на XVI Международном конгрессе исторических наук (Штутгарт, 1985 г.), от которого наш автор и отталкивается. Но то, как мастерски В. А. Арутюнова-Фиданян раскрыла эту тему на армяно-византийском материале, делает ей честь как исследователю, чуткому к нестандартной постановке вопроса². Автор констатирует прекрасное знание

¹ См.: Д. Ангелов. К вопросу о правителях фем в Эпирском деспотате и Никейской империи // BS, 1951, XII, p. 62.

² Недаром материал главы послужил хорошей основой для вызвавшего большой интерес доклада В. А. Арутюновой-Фиданян на последнем Международном конгрессе византинистов в Ко-

армянскими историографами (Иоанн Драсханакертци, Асолик, Аристакес Ластивертци, Акоб Санаинци и др.) византийской политической идеологии, представлений о власти, парадигм идеального правителя; убедительно показывает, что в общем и целом образ Византии в глазах армянских авторов был глубоко положительным, а образы императоров (например, Василия II), «явно выдержаны в светлых тонах» (с. 108). «Портрет, посылаемый оригиналу, — остроумно констатирует В. А. Арутюнова-Фиданян, — должен был ему льстить, но нельзя отрицать, что портрет этот был написан совершенно византийскими красками» (с. 96).

Самым, пожалуй, заметным расхождением армянской и византийской политической мысли было расхождение в вопросе о наследовании трона. По мнению Вианди Артуровны, в Армении не было места представлениям о божественном происхождении царской власти и сакральном ее характере, поскольку «существовала иная социальная основа власти — по наследству» (с. 97); в Византии же, говорит она, не было права наследования, в ней «принцип наследственной власти, так и не нашедшей правового оформления, торжествует только при Палеологах» (с. 153). Действительно, отрывок из Аристакеаса Ластивертци, в котором тот выразительнейшим образом осуждает отсутствие династического принципа в Византии (с. 123, 190), в высшей степени интересен, и я могу лишь пожалеть, что не использовал его в своих, относящихся к данной теме, работах: он бы составил замечательную пару с аналогичным упреком хазар из «Жития» апостола славян Константина Философа. Но, во-первых, закон о престолонаследии все же появился в Византии, причем значительно раньше, чем при Палеологах, — в эпоху Комнинов, как я старался показать в вышеупомянутых работах (в рецензируемой книге они не упоминаются)³. Во-вторых,

нужно ли непременно ставить вопрос о божественном происхождении власти в зависимости от вопроса о ненаследственном ее характере? Так, на с. 98 В. А. Арутюнова-Фиданян пишет, что «вводя идею божественного покровительства, Иоанн (Драсханакертци) отнюдь не отказался от концепции наследственной царской власти». Но почему же он должен был от нее отказываться? Мне кажется, что принцип династической наследственности, идея царской фамилии, царской крови не противоречат идее божественного покровительства, а, наоборот, подчеркивает ее.

Теперь — о парадигме «царя-воина», уже с V в. свойственной политической мысли армян и абсолютно несвойственной византийской политической традиции (с. 101). Вопрос этот, мне кажется, нужно рассматривать в контексте отношений византийцев и византийского канонического права к проблеме святых воинов. Известно, что попытка Никифора Фоки добиться канонизации воинов, отличившихся на поле брани, натолкнулась на ожесточенное сопротивление церковных властей, которые со ссылкой на 13-й канон Василия Великого заявили, что сам факт участия в кровопролитии и «обагрения» рук кровью, независимо от праведности целей войны, не только делает невозможной канонизацию, но и диктует необходимость покаяния⁴. Возможно, что эта позиция влияла и на создание канона «императорского зеркала», заставляя «элиминировать образ царя-воина из системы идеологических ценностей или снижать его значение» (с. 101). Возможно также, что именно отзвуком указанных дискуссий явилась сочиненная Акобом Санаинци легенда (а, может быть, и был?) об отказе от трона Цимисхия, который после многочисленных сражений и побед решил покаянием смыть пролитую кровь (с. 126).

И еще пара замечаний. На с. 63 монографии говорится о католикосе Анании Мокаци, который «повелел заново крестить армян-халкидонитов, в соответствии с правилами все-

пенгагене. См.: V. A. Arutiunova-Fidanjan. Image of Byzantium in the Armenian World in the X–XII centuries // BYZANTINUM: Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies, University of Copenhagen, 18–24 August, 1996: Major Papers / Ed. by K. Fledelius in cooperation with P. Schreiner. Copenhagen, 1996, p. 74–87.

³ См.: И. П. Медведев. Некоторые правовые аспекты византийской государственности // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (XVI–XVII вв.). Л., 1990, с. 7–45;

I. Medvedev. Ἡ συνοδική ἀπόφασις τῆς 24 Μαρτίου 1171 ὡς νόμος γιὰ τὴ διαδοχὴ τοῦ θρόνου τοῦ Βυζαντίου // Τὸ Βυζάντιο κατὰ τὸν 12 ο αἰῶνα: Κανονικὸ Δίκαιο, κράτος καὶ κοινωνία / Ἐκδ. Ν. Οἰκονομίδης, Ἀθήνα, 1991, σ. 229–238.

⁴ Примерно так, см. об этом в книге: H.-G. Beck. Nomos, Kanon und Staatsraison. München, 1981.

ленских соборов, принятых и армянской церковью о вторичном крещении еретиков». Мне очень хотелось бы знать, о каких правилах идет речь? Мне казалось, что повторное крещение так же невозможно, как и отказ от однажды принятого. Наконец, на с. 34 своей книги Вида Артуровна, правильно отмечая, что «византийским стратигам обычно запрещалось приобретать поместья в подвластном им округе», делает следующее добавление: «однако Баграт Вхаци (как затем и Григорий Пакуриан) имел владения в районе Ани и, по-видимому, стремился к феодализации своей должности». Я не знаю, как насчет Баграта Вхаци, что же касается Григория Пакуриана, то, судя по данным его знаменитого типикона Петрицонского монастыря, он владел землями, которые были не куплены, а пожалованы ему императорами. Среди владельческих документов Григория Пакуриана, перечень которых приводится в типиконе, упоминаются исключительно жалованные грамоты, но отнюдь не купчие (об этом я писал в своей монографии «Очерки византийской дипломатики»⁵), пользуясь, кстати, новейшим изданием типикона, осуществленным Полем Готье, упоминание о котором и оценку которого я тщетно искал в исследовании Вида Артуровны.

Подводя итог всему, что было сказано, я хотел бы отметить, что сделанные мною замечания носят сугубо маргинальный по отношению к главной теме исследования В. А. Арутюновой-Фиданян характер, они ни в коей мере не затрагивают существа работы и не меняют моей общей положительной оценки проведенного исследования. В нем впервые подвергнута глубокому и всестороннему исследованию кардинальная научная проблема, предложена цельная и внутренне единая концепция армяно-византийской контактной зоны в X–XI вв. Являясь плодом большого многолетнего труда, монография должна быть признана оригинальным и важным исследованием, в котором решены проблемы, имеющие большое общекультурное значение, ценным вкладом в мировую византистику и арменистику.

И. П. Медведев

M. Kaplan. Les hommes et les terres à Byzance du VIe au XIe siècle: Propriété et exploitation du sol. Paris; Publications de la Sorbonne, 1992, XL, 630 p., pl., 7 cart.

Полемика между А. Кажданом¹ и М. Капланом по поводу монографии последнего «Люди и земля в Византии VI–XI вв.: Собственность и эксплуатация земли» исполнена обоюдного пафоса чрезвычайной силы. Кто-нибудь может подумать, что полемический задор этих ученых чьи имена не нуждаются в представлении, а содержание книги побуждает к ее повторному рецензированию. И да, и нет — ведь объемистое исследование аграрного строя раннесредневековой Византии, проделанное М. Капланом, само по себе вполне достойно внимания широкого круга специалистов.

Сразу же отметим главную претензию А. Каждана к французскому византинисту А. Каждану негодует относительно неполноты и избирательности, с которыми автор монографии привлекает для изучения издания источников и литературу. Надо подчеркнуть, что этот упрек А. Каждана по своей форме сущности некорректен и избочивает предвзятость рецензента, подчас забывавшего продемонстрировать упущенные историком возможности умножить плоды своего труда: А. Каждан педантично подсчитывает число сделанных в книге М. Каплана ссылок. Увы единственным итогом анализа научного аппарата книги М. Каплана служит вывод, что тот ориентируется в первую очередь на работы своих учителей — П. Лемеля и Н. Зворонса и напрочь игнорирует исследование советских ученых, включая некоторые устаревшие статьи самого А. Каждана.

Не оспаривая ценности других замечаний и корректив, внесенных рецензентом в концепцию французского византиниста, укажем, что М. Каплан не использовал даже хрестоматийных трудов своих соотечественников: Порою пробелы в историографии столь значительны, что удивляют читателя. Но есть ли смысл пенять ему за это? Вряд ли сорбонский профессор задавался целью исчерпать всю специальную литературу. В его задаче

⁵ И. П. Медведев. Очерки византийской дипломатики (Частноправовой акт). Л., 1988, с. 21.

¹ См.: BS, 1994, vol. 55, No 1, p. 66–95.